

Studies on reduplication / Ed. by B. Hurch with editorial assistance of V. Mattes (Empirical approaches to language typology; 28). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. 640 p.

Статьи рецензируемого сборника представляют собой переработанные варианты докладов на конференции, посвященной редуплика-

ции, которая проходила в ноябре 2002 г. в г. Грац (Австрия). В издании, как и на конференции, представлены работы разных направ-

лений. С известной долей условности можно противопоставить европейские исследования, в которых явлениям даются неформальные объяснения (В. Дресслер, Д. Гил, Л. Куликов и др.), и блок американских работ, где факты объясняются в формализме теории оптимальности (П. Шоу, С. Урбанчик, Н. Нельсон и др.). Даже при беглом просмотре сборника бросается в глаза различие между «европейскими» и «американскими» статьями в том, что касается используемой литературы: авторы первых, как правило, оперируют работами, написанными на 3–4 языках и в большом временном интервале (см., например, статьи Ф. Роз, Д. Эль Зарка, П. Баккера и М. Парквалла, не говоря уж о Л. Куликове), тогда как вторые пользуются преимущественно или даже исключительно англоязычными работами последних десятилетий (см., например, статьи Ш. Инкелас, Н. Нельсон, П. Шоу, С. Урбанчик). Это различие связано с хорошо известной тенденцией к изоляционизму, свойственной современной американской теоретической лингвистике.

С 1980-х годов в рамках американской формальной фонологии появляется множество работ, посвященных редупликации. Так как мы не можем отослать читателя к какому-либо русскоязычному обзору этих работ, кажется уместным вкратце изложить концепции описания редупликации, предложенные в конце прошлого века.

Российским лингвистам известно противопоставление морфем-операций (редупликации и чередований) и сегментных морфем. Для современной американской лингвистики такое разграничение нехарактерно. Теоретически оно может быть снято двумя путями – либо последовательным отказом от аддитивной модели (см. о такой возможности в [Плунгян 2000: 69–70]), либо аддитивным описанием самой редупликации. Именно второй вариант был характерен для американской лингвистики, по крайней мере, начиная с Л. Блумфилда [Блумфилд 1968: 325]. Согласно этому взгляду, редупликант¹ – поверхностная реализация специальной морфемы, которая отличается от обычных аффиксов (префиксов, инфиксов) лишь тем, что у нее не полностью определены фонологические признаки. Впрочем, в генеративных работах 1970-х годов редупликация, естественно, описывалась как результат применения трансформационных правил. Однако на рубеже 1970-х и 1980-х годов объяснитель-

ная сила правил была поставлена под сомнение из-за их всеисильности (правила могут порождать любые структуры, в том числе и такие, которые не представлены ни в одном естественном языке). Новый формализм аддитивного описания редупликации был предложен в программной работе А. Маранца [Marantz 1982], ссылки на которую можно встретить едва ли не в большинстве статей сборника. В ней было высказано предположение, что редупликативная копия может быть задана в виде последовательности согласных и гласных ячеек (например, CVC или CV), в которые по достаточному общим правилам происходит копирование сегментного состава из основы; с некоторыми ячейками могут быть связаны и другие фонологические признаки, в предельном случае это может быть полностью определенная фонема. Эту идею ни в коем случае нельзя считать новой: она вполне соответствует лингвистической традиции (ср., например, представление в виде Се-префиксальной редупликативной копии в формах древнегреческого перфекта в [Булыгина 1977: 142–143]) и хорошо описывает подавляющее большинство редупликаций, хотя, по-видимому, не все. Для дальнейшего развития теории редупликации был существен тот эмпирический факт, что редупликант обычно имеет более простую («немаркированную») просодическую структуру, а иногда и более простой фонемный состав, чем основа. Наглядным примером упрощения структуры в редупликante могут служить только что упомянутые редуплицированные формы древнегреческого перфекта: при их образовании начальный кластер всегда упрощается, ср. *τρέφω* ‘кормлю’ ~ перф. *τέτροφα*, *βλάπτω* ‘наносу вред’ ~ перф. *βέβλαφα* и т.д. (не **τρέτροφα*, **βλέβλαφα*). Было предложено два объяснения такого рода фактам. Во-первых, было отмечено, что в этом отношении редупликант похож на другие аффиксальные морфемы. Во-вторых, была разработана модель «проявления немаркированной структуры» (the emergence of the unmarked) [Alderete et al. 1999], ставшая общим местом в теории оптимальности и в некоторых статьях обсуждаемого сборника называемая «теорией соотношений» (correspondence theory). Эта модель исходит из того вполне логичного допущения, что только внешний вид основы может быть напрямую получен из глубинно-морфологического представления («underlying form»), а редупликант строится непосредственно из основы. На языке теории оптимальности это описывается с помощью «ограничивающих условий» (constraints): одна группа ограничений требует от всех реализаций морфем совпадения с их глубинной формой, вторая группа

¹ В редупликативной конструкции выделяется основа (исходная морфологическая единица) и редупликант (редупликативная копия, которая добавляется к основе).

ограничений требует от редупликанта совпадения с основой, а третья группа – запрещает реализацию «маркированных» сегментов и структур (например, кластеров). В тех случаях, когда ограничения второй группы оказываются слабее, чем ограничения первой, некоторые ограничения третьей группы могут располагаться в иерархии между ними. Тем самым они оказывают влияние на форму редупликанта (потому что они сильнее, чем требование сохранить сходство основы и редупликанта), но не оказывают влияния на форму всех остальных морфем (потому что они слабее, чем требование сохранить глубинное представление морфемы в ее поверхностной реализации). Результатом такого ранжирования и является наблюдаемый эффект: запрет на маркированные структуры (например, кластеры) в редупликанте.

Широко распространенные в современном американском языкознании формальные модели языка, к числу которых принадлежит и теория оптимальности, строятся скорее на дедуктивной, нежели на индуктивной основе. Если факты не укладываются в предлагаемую автором теорию, они могут получать самую удивительную интерпретацию, нередко мотивированную именно теоретическими аргументами. К таким решениям естественно относиться с настороженностью. В частности, для американских авторов сборника характерно исключение из понятия редупликации целого ряда явлений, которые обычно в это понятие включаются. Так, Ш. Инкелас и Ш. Цолль выводят за рамки редупликации некоторые случаи «слишком коротких» повторов (например, образование множественного числа в хауса – *bindigà* ‘ружье’ ~ pl. *bindig-o:gi:*), поскольку такие факты мешают единообразно описать все случаи редупликации как морфологический повтор. Еще более выразительна в этом плане статья Н. Нельсона (N. Nelson, *Wrong side reduplication: Evidence from Yoruba*), посвященная случаям, при которых левая редупликация, как кажется, копирует конец основы, а правая – начало. Согласно Н. Нельсону, редупликации в неправильную сторону на самом деле не существует. Для всех таких случаев приводятся различные частные объяснения: например, индонезийские примеры типа *rikul* «бить» – *rikul-tetikul* описываются как полная редупликация с последующей вставкой префикса. Те случаи «неправильной редупликации», для которых подобных объяснений найти не удастся, Н. Нельсон вынуждена не признавать редупликацией; так, образование отыменных глаголов в нанкаури (*rom* – ?*um-rom*, *liak* – ?*uk-liak*) она трактует как ударную рифму (stressed rhyme; отметим, что в работе [Alderete

et al. 1999] эта модель описывается как левая редупликация с «проявлением немаркированной структуры»). Подобным образом Н. Нельсон описывает и материал языка йоруба, которому, собственно, и посвящена статья. Р. Уилбур отказывает в праве называться редупликацией не только производным, но и словообразовательным повторам в американском языке жестов [Wilbur 1973]. Производные повторы вообще довольно часто не считаются редупликацией (например, так у И.А. Мельчука и у Э. Моравчик). Удвоение же при образовании отглагольных имен в американском языке глухонемых, согласно Уилбур, следует считать не морфологическим, а «фонологическим» явлением потому, что оно обусловлено требованием обеспечения достаточной минимальной длительности каждого жеста. При этом складывается впечатление, что такая трактовка важна для исследовательницы не сама по себе, а в силу убеждения Р. Уилбур в том, что «настоящая» редупликация может быть только иконической.

Проблеме иконичности редупликации в сборнике уделено первостепенное внимание. Авторы признают «естественными» для редупликации такие значения, как множественность, аугментативность, длительность действия и т.п. Поэтому значения типа приблизительности, уменьшительности, завершенности действия, также (как видно в том числе и из работ, представленных в сборнике) нередко выражаемые в языках мира путем редупликации, ставят исследователей перед выбором – либо отказаться от тезиса об иконичности, либо в очередной раз доказать, что «*п о м ы с л и т ь с е б е* (выделено нами. – Авт.) можно едва ли не любую семантическую эволюцию» [Бурлак, Старостин 2005: 84]. С. К о у в е н б е р г и Д. Л я ш а р и т э (S. Kouwenberg, D. LaCharité, *Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean Creole languages*), рассматривая редупликацию, выражающую уменьшительность или приблизительность в креольских языках Карибского региона (ямайском, ндьюка и сранан), без колебаний идут по второму пути, предлагая для соответствующих примеров следующую, не побоимся этого слова, фантастическую схему развития значения: ‘X встречается много раз’ > ‘X встречается отдельными порциями’ > ‘не сплошь X’ > ‘приблизительно X’ > ‘маленький X’.

Статья В. А б р а х а м а (W. Abraham, *Intensity and diminution triggered by reduplicating morphology: Janus-faced iconicity*) является в некотором смысле ответом на предыдущую статью. Автор предлагает свое решение для отклонений от принципа иконичности. По его мнению, следует различать «интенсивную» и

«экстенсивную» модификацию: при применении редупликации к словам, обозначающим «квантуемые» сущности, получается количественное увеличение (множественное число у исчисляемых существительных, длительный вид у глаголов, обозначающих события), напротив, если редуплицируемое слово обозначает сущность «неквантуемую», приращение семантических черт сопровождается размытыванием качества (что дает значения типа дисперсности, диминутивности и т.п.). Автор, по его собственным словам, принимает принцип иконичности как данность и не готов от него отказаться даже ввиду наличия примеров (в том числе приводимых в его работе), которые никак не укладываются в эту концепцию.

Ш. Инкелас и Ш. Цолль, полемизируя с теорией соотношений, разработали «теорию морфологического повтора» (Morphological doubling theory). На конференции выступали обе исследовательницы (с формальной точки зрения, это были два отдельных доклада), однако в сборнике представлена лишь статья Ш. Инкелас (Sh. Inkelas, Morphological doubling theory: Evidence for morphological doubling in reduplication). Согласно теории Ш. Инкелас и Ш. Цолль, редупликация – это конструкция, требующая двух экземпляров одной и той же морфологической единицы (морфемы или какого-то сочетания морфем). Оба элемента редупликативной конструкции структурно равноправны, поэтому термины «основа» и «редупликант» авторы используют лишь как традиционные, не вкладывая в них никакого теоретического смысла. Рассматриваемая теория отражена в солидной монографии [Inkelas, Zoll 2005]; ознакомиться с ее кратким изложением можно в электронном архиве [ROA (№ 425)].

Аргументы в пользу предлагаемой теории авторы делят на морфологические и фонологические: фонологические доводы представила на конференции Ш. Цолль, тогда как Ш. Инкелас представляет морфологические доводы (более значимые в рамках данной теории). В статье рассматриваются редупликативные конструкции, которые описываются в морфологических, а не фонологических терминах. Например, в океанийском языке эроманга в редупликативной конструкции в определенных случаях выступают два разных алломорфа корня, а в ндебеле (группа сото-тсвана языков банту) корень в «редупликанте» оформляется пустыми морфемами. В австралийском языке дирбал повторяться может как корень, так и аффикс, причем такие редупликации находятся в свободном варьировании и не различаются по семантике. Теория морфологического повтора обеспечивает сходное

описание редупликации и сочетаний парных слов, актуальное для многих восточных языков, в которых эти явления демонстрируют заметное сходство (в статье Ш. Инкелас приводятся кхмерские, вьетнамские и ачехские синонимические композиты).

Внимание к морфологическим аспектам редупликации кажется вполне оправданной реакцией на описание этого явления преимущественно в фонологических терминах, которое было доминирующим в течение двух предшествующих десятилетий. В этом отношении теория морфологического повтора является частью общей смены парадигмы в изучении редупликации (необходимость эксплицировать основу в морфологических терминах мотивируется также в статьях П. Шоу и Э. Кин в рассматриваемом сборнике).

Морфологическую теорию редупликации, разработанную Ш. Инкелас и Ш. Цолль, использует в своей статье Ф. Маклафлин (F. McLaughlin, Reduplication and consonant mutation in the Northern Atlantic languages). Ее статья посвящена взаимодействию редупликации и чередований начальных согласных в двух относительно близких языках северной подгруппы западноатлантических языков: пулар (Pulaar, западная разновидность фула) и серер-син (Serer-sin). В работе рассматривается использование ступеней чередования в качестве показателей именных классов. Ступени чередования описаны как результат сочетания корней с не-сегментными морфемами, означающим которых являются фонологические признаки последующих согласных, например: [-щелевой] (т.е. взрывной), [назальный]. В пулар это самостоятельные морфемы, а в серер-син префиксальные показатели класса являются сочетанием обычных сегментов с определенными признаками: например, показателем 1-го класса является сочетание префикса *fo* с признаком [-щелевой] первого согласного корня, а показателем 13-го класса – сочетание префикса *o* с признаком [назальный]. В редуплицированных именах в языке пулар второй экземпляр корня всегда начинается с щелевого звука (согласно автору, это исходная форма именных корней в этом языке), первый экземпляр корня начинается с той ступени, которую требует префикс данного класса. В серер-син выделяется два вида корней: в одних происходит чередование согласных по глухости/звонкости, в других – по способу образования (оба типа корней имеют также чередование по назальности). При редупликации корней первого типа первый экземпляр корня содержит глухой согласный, а второй – звонкий (*opii-bid* ‘писатель’). При редупликации корней второго типа первый экземпляр содержит взрывной согласный, а во

втором экземпляре наблюдается вариативность – он может начинаться как с щелевого, так и со взрывного (*obaa-war/obaa-bar* ‘убийца’). Полемический пафос автора направлен против фонетических объяснений морфологии редупликации. Автор выводит наблюдаемое взаимодействие редупликации и системы чередований в серер-син из морфонологической структуры и деривационных свойств соответствующих морфем. Некоторые детали этого построения изложены, к сожалению, неясно.

В статье К. Рубино (C. Rubino, Reduplication: form, function and distribution), открывающей сборник, дается обзор формальных и семантических особенностей редупликации в языках мира. Не касаясь напрямую теоретических проблем, автор иллюстрирует примерами основные классификационные признаки плана выражения редупликации (полная/частичная, префиксальная/суффиксальная/инфиксальная, простая/с чередованиями или с дополнительными сегментами и др.) и характерные для редупликации значения (множественность, интенсивность, аттенуативность). Иллюстрируя экзотические правила построения редупликанта, К. Рубино воспроизвел существующее в литературе довольно причудливое описание редупликации в австралийском языке мангарай. Некритически следуя работе Мерлана, К. Рубино выделяет в этой редупликации редупликанты, склеенные из несмежных частей основы: *gurjag* ‘лилия’ ~ *gur.jur.jagj-i* ‘с большим количеством лилий’, *bangal* ‘яйцо’ ~ *baŋ.gaŋ.galji* ‘с большим количеством яиц’. В рамках подобной обзорной статьи было бы естественно ограничиваться более очевидными решениями. Например, в работах [McCarthy, Prince 1995] и [Kurisu, Sanders 1999] редупликант выделяется следующим образом: *g.urj.urjagj-i*, *b.ang.angalji*; кроме того, можно предложить и третье решение: *gurj.urj.agj-i*, *bang.ang.alji*.

Частичная редупликация обычно копирует непосредственно смежную часть основы, на чем даже базируется определение основы в некоторых формальных работах. П. Шоу (P.A. Show, Non-adjacency in reduplication) анализирует случаи, когда редупликант отделен от основы какой-то морфемой – другой редупликативной копией или обычным аффиксом. Самый яркий случай такого рода – редупликация в двух близкородственных салишских языках томпсон и лиллуэт. Диминутивная и дистрибутивная редупликации могут применяться к основе как по отдельности (*sil* ‘хлопчатобумажная ткань’ ~ *dim. sil.sil* ‘небольшой кусок хлопчатобумажной ткани’ ~ *distr. sil.sil* ‘лоскуты хлопчатобумажной ткани’), так и одновре-

менно (*distr. dim. sil.sil.sil* ‘маленькие лоскуты хлопчатобумажной ткани’). В последнем случае диминутивная копия отделена от своей основы дистрибутивной копией (в [Мельчук 2001: 324–325] «повторная» редупликация в томпсон сопоставляется со сходными конструкциями в другом салишском языке, лушундид, где дистрибутивная копия в этом случае копирует не основу, а диминутивную копию). Автор делает из анализа рассмотренных моделей вывод, что основа, используемая для построения редупликации, должна быть составляющей, определенной в просодических или морфологических терминах, а не произвольной цепочкой.

Д. Гил хорошо известен своими исследованиями риау (диалект индонезийского языка, распространенный в провинции Риау). Эти исследования основываются на полевой работе автора. Его статья в данном сборнике (D. Gil, From repetition to reduplication in Riau Indonesian) посвящена разграничению синтаксического повтора и редупликации (которая, как он полагает, по определению есть строго морфологическое явление). Автор выделяет диагностические свойства повтора и редупликации (замечательно, что одним из признаков последней – наряду с просодической и синтаксической связностью – Д. Гил считает НЕиконичность семантики) и анализирует представительный материал. Много внимания уделено как ясным с точки зрения классификации случаям, так и разного рода пограничным явлениям.

Л. Куликов исследует в своей статье (L. Kulikov, Reduplication in the Vedic verb: Indo-European inheritance, analogy and iconicity) шесть редупликативных моделей, представленных в ведийском глаголе. После синхронного и диахронического описания морфонологии этих моделей автор обсуждает их семантику, прежде всего – семантику редуплицированных форм настоящего времени. Л. Куликов присоединяется к выдвинутой еще в 1903 г. гипотезе Г. Ульянова, согласно которой характерной особенностью многих глаголов с редуплицированным настоящим временем является то, что обозначаемая ими ситуация состоит из множества микроситуаций (таковы, например, значения ‘пить’, ‘нюхать’ ‘идти’, ‘смеяться’). При этом у некоторых глаголов движения семантически противопоставлены две формы настоящего времени – редуплицированная форма имеет неопределенное значение (например, ‘носить’), а тематическая форма (1 класс по традиционной классификации) – предельное (например, ‘нести’).

В статье Э. Кин (E. Keane, Phrasal reduplication and dual description) рассматривается эхoredупликация в четырех индийских языках:

двух индоевропейских (хинди и бенгали) и двух дравидийских (тамильском и каннада). Данные по хинди и тамильскому собраны самим автором. Редупликация с ассоциативной семантикой, распространенная во многих восточных языках, чаще всего применяется к словоформам (каннада *kanṇi* 'глаз' ~ *kanṇi giṇṇi* 'глаз и тому подобное'). Э. Кин интересуют случаи, когда эхо-редупликации подвергаются единицы, меньшие или большие, чем словоформа. Такие случаи представлены в трех языках из четырех обследованных (носители хинди отказывались от предлагавшихся им примеров). Так, например, исключение окончания из эхо-конструкции отмечается в каннада, ср. *baagil.annu* 'дверь (Асс)' – *baagil-giigil-annu* 'дверь и т.п. (Асс)'. Сходные примеры встречаются и в некоторых тюркских языках (например, в татарском *китап-митап.лар* 'книги и тому подобное' [Ганиев 1982: 39]). Возможность редуплицировать основу, а не словоформу связана с известной независимостью окончания от основы.

Автор рассматривает также фразовые редупликации вроде каннада *meejin-a meele giijin-a meele* 'на столе и в сходных местах' (*meele* – локативный послелог, управляющий генитивом, ср. *meejin-a meele* 'на столе').

Подобные примеры из тамильского языка хорошо известны (см. [Андронов 1965: 96; 1978: 441]); остается неясным, верна ли интерпретация таких примеров, предлагаемая автором, – согласно Э. Кин, в этих случаях происходит неточный повтор целого словосочетания. По крайней мере для сходного поведения эхо-редупликации в тюркских и славянских языках кажется оправданным совсем иное объяснение. Рассмотрим такие примеры: тур. *Stassen giderse, yerine Mtassen gelir* 'Если Стассен уйдет, придет кто-то вроде Стассена' [Lewis 1967: 237], болг. разг. *Забравих пантофите. Няма пантофи, няма мантофи вече* 'Я забыл тапочки. Больше нет тапочек, нет шмапочек' [Младенов 1975: 386], рус. разг. *Вы можете в Африку / в Шмафрику / куда хотите* // [Земская и др. 1983: 194]. В этих примерах неточная копия ведет себя как относительно независимое слово, похожее на элемент парного синонимического сочетания. Возможно, такая же интерпретация приемлема и для индийских языков. Отметим еще, что для описания морфологии редупликации Э. Кин вводит собственный формализм, который более подробно описан в ее статье [Keane 2006] и которого мы не будем здесь касаться.

С. Урбанчик (S. Urbanczyk, Enhancing contrast in reduplication) подробно рассматривает собранный ею материал салишского языка комокс. В этом языке есть две редупликации –

диминутивная (*súpaɟi* 'бык' ~ *súspaɟi*) и имперфективная (*túqʷəm* 'cough' ~ *tútuqʷəm* 'coughing'). Предполагается, что обе модели представляют собой префиксальную CV-редупликацию. Имперфективная редупликация не содержит никаких дополнительных морфонологических правил, тогда как диминутивная модель характеризуется редукцией гласного основы и заменой [ə] на [i] в редупликанте. Следует отметить, что сходная диминутивная редупликация в салишском языке шусвап описывалась в предшествующих работах иначе – как инфиксальный повтор согласной фонемы [Мельчук 2000: 59] (исторически, видимо, в салишских языках диминутив является префиксальной редупликацией, что следует из фактов лушуд и томпсон). Автор объясняет эти особенности морфологии комокс (а также различия в морфологии редупликативных моделей в других языках, рассмотренных в статье) тем, что при наличии нескольких моделей редупликации в языке действует специальный механизм их расподобления.

Л. Даунинг (L.J. Downing, The emergence of the marked: Tone in some African reduplicative systems) рассматривает поведение тона при редупликации в йоруба, хауса и некоторых других африканских языках. Исходя из теории соотношений можно было бы предполагать, что редупликант всегда содержит немаркированный тон, однако в рассмотренных моделях это не так. «Неправильное» поведение тона автор связывает с тем, что тон приписывается не в рамках основы или редупликанта, а в рамках целого слова.

Статья Ф. Роз (F. Rose, Reduplication in Tupi-Guarani: Going into opposite directions) посвящена сопоставлению редупликации в эмерильон (материал по этому языку собран автором) и в нескольких других языках семьи тупи-гуарани. Во всех рассмотренных языках есть две модели редупликации – CV- и CVCV-редупликация (эти модели автор не очень удачно называет слоговой и двухслоговой, из-за чего приходится постулировать дополнительное правило усечения последнего согласного закрытого слога). Повтор двух слогов используется для выражения разного рода глагольной множественности и имперфективности (значения 'часто', 'время от времени', 'постепенно', 'постоянно' и т.п.), повтор одного слога выражает множественность участников ситуации, которые принимают в ней участие один за другим. Как отмечает автор, не все примеры укладываются в это распределение. CVCV-редупликация получает свой сегментный состав из последних двух слогов основы, вставляясь перед ними (тупинамба *a.i.mokón* 'я проглотил это' ~ *a.i.mokó.mokón* 'я глотал их часто'). CV-

редупликация в эмерильон копирует первый слог корня: *ō.hem* 'выходит' ~ *ō.hē.hem* 'выходят', тогда как в других обследованных языках копируется последний слог: ваямпи *o.sala* 'он ломает' ~ *o.sa.la.la* 'он раскалывает'. Автор не может предложить никакой диахронической гипотезы, касающейся этого различия. Исследовательница отмечает, что в шипайя (группа тупи) и в аравакских языках (возможно, родственных языкам тупи-гуарани) сосуществуют два вида редупликации – с копированием начала и с копированием конца основы.

В статье Д. Эль Зарка (D. El Zarka, On the borderline of reduplication: Gemination and other consonant doubling in Arabic morphology) рассматриваются различные виды глагольной редупликации в арабском языке. Автор выделяет следующие редупликативные модели, соответствующие структуре основы CVCCVC: *katkat* (полная редупликация), *katkab* (удвоение C₁), *kattab* (геминация C₂), *katbab* (удвоение C₃). Как показывает Эль Зарка, в формах типа *kattab* представлена именно геминация срединного согласного, а не его удлинение; в пользу такой точки зрения говорит, в частности, то, что первый из двух консонантов может подвергаться диссимилятивному изменению – ср. *faqqa!* > *farqa!* «взрывать». Эль Зарка разделяет точку зрения, согласно которой полная редупликация «лучше» частичной, а слоговая – моноконсонантной, выстраивая следующую иерархию: *katkat* > *katkab* > *katbab* > *kattab*. При этом автор справедливо подчеркивает, что ни эта иерархия, ни гипотеза о возникновении частичной редупликации путем разрушения полной не находят себе никакого аналога в истории арабского языка: единственной несомненно старой разновидностью редупликации, надежно возводимой на общесемитский уровень, в арабском языке является как раз «плохая» редупликация типа *kattab*.

Статья Дж. Хогена (J.D. Haugen, Reduplicative allomorphy and language prehistory in Uto-Aztecan) посвящена реконструкции редупликативных моделей в юто-ацтекском праязыке. В качестве основания для реконструкции этого уровня принимается присутствие морфологической модели как в южной, так и в северной ветви рассматриваемых языков. Автор реконструирует для праязыкового состояния три собственно редупликативные модели и «аффиксацию моры». Аффиксация моры может реализовываться как геминация согласного, как удлинение предшествующего гласного и как вставка ларингала. Первые две из этих трех реализаций аффиксации моры можно признать редупликацией. Эти удвоения сегментов, как и вставка ларингала, в основном имеют характерные для редупликации значения

(геминация согласного или вставка ларингала для выражения множественного числа в тепекано, удвоение согласного или гласного для выражения хабитуалиса в яки, геминация согласного для выражения дуратива в ряде нумийских языков). В этот ряд автор ставит и вставку ларингала в западно-нумийском языке моно, семантика которой заметно отличается от семантики сопоставляемых моделей в других языках (*whitapo* 'strike several blows' ~ *whitahpo'i* 'strike one blow'; *kwaca* 'fall' ~ *kwahca'i* 'fall a short distance').

Другая нетривиальная модель, рассмотренная в статье Д. Хогена («Marked heavy syllable reduplication»), состоит из префикса CV-, «утяжеленного» одним из трех способов: удлинением гласного, геминацией последующего согласного или вставкой ларингала. Было бы логично рассматривать эту модель как сочетание префикса CV- и аффиксации моры. Объединяемые в эту модель морфемы обозначают не только разные виды множественности у существительных и глаголов, но и консекутив (в науатль).

Объектом исследования в статье В. Дресслера и группы авторов (W.U. Dressler, K. Dziubalska-Kołaczyk, N. Gagarina, M. Kilani-Schoch, Reduplication in child language) является редупликация у детей, в чьих родных языках грамматическая редупликация отсутствует. Поскольку детский язык более иконичен, чем взрослый, он содержит больше экстраграмматической редупликации. Многие слова детской речи по форме являются редупликативными: *ням-ням*, *буль-буль*, *кап-кап*, и вследствие этого редупликация начинает осмысляться как нечто относящееся к детям, получает уменьшительное или гипокористическое значение. Кроме того, редупликация проявляется в детском языке, когда вместо взрослых слов с сильно различающимися фонемами ребенок произносит цепочки похожих друг на друга звуков, сохраняя при этом количество слогов и общую «мелодию» слова.

М. Леруа и А. Моргенстерн (M. Leroy, A. Morgenstern, Reduplication before age two) исследуют редупликацию в процессе усвоения языка (на материале одного франкофонного ребенка от 2 месяцев до 1 года 10 месяцев). Им удалось проследить, как ребенок переходит от простых повторов, имеющих целью удержать внимание взрослого (для таких повторов характерна многократность и наличие пауз), к редуплицированным последовательностям, заменяющим слова (здесь компоненты повторяются лишь один раз и без паузы). Если примерно до 1 года 3 месяцев редупликация служит лишь показателем общего возбуждения, то затем контроль над звукопроизводством укреп-

ляется, и редуплицированные последовательности начинают употребляться в качестве замены слов взрослого языка. Редупликация, таким образом, упрощает запоминание и хранение в памяти многосложных слов и представляет собой важную стадию перехода от однословных высказываний к дву- (и более) – словным.

В исследовании Х. Софу (H. Sofu, Acquisition of reduplication in Turkish) рассматривается усвоение редупликативных моделей турецкими детьми. Особый интерес представляют данные о префиксальной редупликации со значением интенсивности, где конечный согласный редупликанта выбирается по каким-то не вполне предсказуемым правилам (например, *yus.yuvarlak* ‘совершенно круглый’, *sim.siyah* ‘совершенно черный’). Исследовательница предлагала построить такие редуплицированные формы от 38 несуществующих «слов» группе детей и группе взрослых. Не только дети, но и взрослые при построении этих форм довольно плохо соблюдали те закономерности, которые можно сформулировать на основании существующих редупликаций.

В статье П. Баккера и М. Парквалла (P. Bakker, M. Parkvall, Reduplication in pidgins and creoles) поднята проблема генезиса редупликации в креольских языках. Дело в том, что, хотя почти во всех креолах редупликация имеется, в пиджинах она крайне редка и периферийна – при том, что не связанные с грамматикой повторы очень часты в регистре «язык для иностранца», на основе которого формируется пиджин. Авторы статьи выражают обоснованные сомнения в том, что появление редупликации в креолах объясняется наличием у человека особой врожденной языковой программы, как предполагают, например, Н. Хомский и Д. Бикертон. По мнению П. Баккера и М. Парквалла, против этого свидетельствует как чрезвычайное разнообразие функций редупликативных моделей в креольских языках, так и очевидный субстратный источник некоторых из них. Интересно при этом, что влияние языка-субстрата возникает лишь на стадии креолизации.

Не является возникновение редупликации в креольских языках и следствием какой-то особой иконичности этого морфологического средства: как показывают П. Баккер и М. Парквалл, использование редупликации для выражения, например, множественности (что является в высшей степени иконичным) в креолах встречается сравнительно редко – не чаще, чем в не-креольских языках. Таким образом, возникновение редупликации в креольских языках – результат их собственного внутреннего развития.

Заслуживает внимания сделанное авторами наблюдение, согласно которому в креольских языках, образованных от одного языка-лексификатора, редупликация встречается чаще, чем в креольских языках, образованных от другого (в англо-креольских языках она представлена шире, чем во франко-креольских). Такая же зависимость прослеживается и с языками-субстратами (например, в португало-креольских языках Нижней Гвинеи редупликация встречается чаще, чем в португало-креольских языках Верхней Гвинеи).

Более частая встречаемость полной, а не частичной редупликации в креольских языках связана, по мнению авторов, с тем, что времени, прошедшего с момента возникновения этих языков, оказалось недостаточно для фонетической эрозии. Показателен пример языка сарамакка, где засвидетельствованы ранние формы с полной редупликацией и их современные продолжения, где редупликация частичная.

Статья Р. Пфау и М. Штейнбаха (R. Pfau, M. Steinbach, Backward and sideward reduplication in German sign language) подробно и аккуратно описывает типы редупликации, применяемые при образовании взаимного залога глагола и множественного числа имен существительных в немецком языке глухонемых. Форма редупликации зависит как от лексических свойств слова, так и от характера передающего его движения – является ли оно простым или сложным, выполняется двумя руками или одной, имеет привязку к определенному участку тела или нет. Однако авторы считают основной своей заслугой не формулировку четких правил, описывающих выбор типа редупликации, а пространственный анализ этих типов в формализме теории оптимальности. Вводятся целых семь ограничительных условий, пять из которых относятся к классу «ограничений достоверности» (причем три из них применимы только к жестовым языкам), а оставшиеся два касаются непосредственно множественного числа существительных в немецком жестовом языке.

Статья Р. Уилбур (R.B. Wilbur, A reanalysis of reduplication in American sign language) посвящена обоснованию тезиса о том, что редупликация в американском языке жестов иконична. Ее основная функция – выражение способа глагольного действия (дуратив, итератив, хабитуалис и т.д.): характер возвратного движения между повторениями движения собственно знакового, обеспечивающий эти различия, иконически отражает время между обозначаемыми событиями. В дистрибутиве остановки движения в определенных пунктах обозначают различные актанты. В статье много внимания уделяется иконическим элемен-

там грамматики американского языка жестов, не связанным непосредственно с редупликацией. Участие Ронни Уилбур почетно для сборника, поскольку ее диссертация [Wilbur 1973] оказала большое влияние на современное изучение повторов.

В сборник вошли также статьи Р. Сингха о хинди (R. Singh, Reduplication in modern Hindi and the theory of reduplication), Р. Сибасаки о японском (R. Shibasaki, Clause integration and semantic change in Japanese verbal reduplication: A diachronic perspective) и У. Мааса об арабском синтаксисе (U. Maas, Syntactic reduplication in Arabic).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андронов 1965 – М.С. Андронов. Дравидийские языки. М., 1965.
- Андронов 1978 – М.С. Андронов. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
- Блумфилд 1968 – Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.
- Булыгина 1977 – Т.В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Бурлак, Старостин 2005 – С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2005.
- Ганиев 1982 – Ф.А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982.
- Земская и др. 1983 – Е.А. Земская, М.В. Кистейгородская, Н.Н. Розанова. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Мельчук 2000 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. III. Москва; Вена, 2000.
- Мельчук 2001 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. Москва; Вена, 2001.
- Младенов 1975 – М.С. Младенов. Об одном типе повторений в болгарском языке, имеющем параллель в румынском языке // *Revue roumaine de linguistique*. 1975 (XX). 4.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Alderete et al. 1999 – J. Alderete, J. Beckman, L. Benua, A. Gnanadesikan, J. McCarthy, S. Urbanczyk. Reduplication with fixed segmentism // *Linguistic inquiry*. V. 30. 1999.
- Inkelas, Zoll 2005 – Sh. Inkelas, Ch. Zoll. Reduplication: Doubling in morphology. Cambridge, 2005.
- Kurisu, Sanders 1999 – K. Kurisu, N. Sanders. Infixal nominal reduplication in Mangarayi // *Phonology at Santa Cruz*. V. 6. 1999.
- Keane 2006 – E. Keane. Fixed segmentism and dual description // *Linguistics* 44. 4. 2006.
- Lewis 1967 – G.L. Lewis. Turkish grammar. Oxford, 1967.
- Marantz 1982 – A. Marantz. Re Reduplication // *Linguistic inquiry*. 1982. V. 13. № 3.
- McCarthy, Prince 1995 – J. McCarthy, A. Prince. Prosodic morphology // J. Goldsmith (ed.). *The handbook of phonological theory*. London, 1995.
- ROA – <http://roa.rutgers.edu>
- Wilbur 1973 – R.B. Wilbur. The phonology of reduplication. Ph.D.diss. University of Illinois. Bloomington (Indiana), 1973.

С.А Бурлак, И.Б. Иткин, Ф.Р. Минлос